

3 января 2006 года исполняется
70 лет со дня рождения
Николая Михайловича РУБЦОВА (1936—1971)

«... И БУДУ ЖИТЬ В СВОЕМ НАРОДЕ»

На музыкально-поэтический вечер,
посвященный юбилею русского поэта
Николая Рубцова, приглашает
старшеклассников Т. Н. ЛИНЬКОВА

Тамара Николаевна —
заведующая
библиотекой,
с. Биряково,
Вологодская область.

ДЕЙСТВУЮЩЕ
ЛИЦА

Ведущие (1) и (2)
Чтец

Звучит «Пламенная симфония»
В. А. Моцарта.

ЧТЕЦ:

Я буду скакать по холмам
задремавшей отчизны,
Неведомый сын удивительных
вольных племен!
Как прежде скакали на голос
удачи капризный,

Я буду скакать по следам
миновавших времен...

Давно ли, гуляя, гармонь
оглашала окрестность,
И сам председатель плясал,
выбиваясь из сил,
И требовал выпить за доблесть
в труде и за честность,
И лучшую жницу, как знамя,
в руках пронесил!

И быстро, как ласточка, мчался я
в майском костюме
На звуки гармошки, на пенье и
смех на лужке,
А мимо неслись в торопливом не
молкнушем шуме

• Календарь «Знаменательные
даты — 2006». — М.: Либерей-
Бибинформ, 2005. — С. 8.

МУЗЫКАЛЬНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ

На вечере звучат песни на стихи Н. Рубцова: «Я
буду долго гнать велосипед...» (муз. А. Лобзо-
ва), «Деревенские ночи» (любой вариант), «Жу-
равли» (муз. И. Лученка), «Зимняя песня» (муз.
и исп. А. Матюхина), «Отцветет да поспеет на
болоте морошка» (любой вариант), «Чудный ме-
сяц плывет по реке» (любой вариант).

- Кроме того, можно использовать:
- «Пламенную симфонию» В. А. Моцарта;
 - народные колыбельные песни, исполняемые
а капелло;
 - Полонез М. Огиньского «Прощание с родиной».

Весенние воды, и бревна неслись
по реке...

Россия! Как грустно! Как странно
поникли и грустно
Во мгле над обрывом безвестные
ивы мои!
Пустынно мерцает померкшая
звездная люстра,
И лодка моя на речной догнавает
мели.

И храм старины, удивительный,
белоколонный,
Пропал, как виденье, меж этих
померкших полей, —
Не жаль мне, не жаль мне
растоптанной царской короны,

Но жаль мне, но жаль мне
разрушенных белых церквей!..

О, сельские виды! О, дивное
счастье родиться
В лугах, словно ангел,
под куполом синих небес!
Боюсь я, боюсь я, как вольная
сильная птица
Разбить свои крылья и больше
не видеть чудес!

Боюсь, что над нами не будет
возвышенной силы,
Что, выплыв на лодке, повсюду
достану шестом,
Что, все понимая, без грусти
пойду до могилы...
Отчизна и воля — останься, мое
божество!

Останьтесь, останьтесь, небесные
синие своды!
Останься, как сказка, веселье
воскресных ночей!
Пусть солнце на пашнях венчает
обильные всходы
Старинной короной своих
восходящих лучей!..

Я буду скакать, не наруши
в ночное дыханье
И тайные сны неподвижных
больших деревень.
Никто меж полей не услышит
глухое скаканье,
Никто не окликнет мелькнувшую
легкую тень.

И только, страдая, израненный
бывший десантник
Расскажет в бреду удивленной
старухе своей,
Что ночью промчался какой-то
таинственный всадник,
Неведомый отрок, и скрылся
в тумане полей...

*«Я буду скакать по холмам
задремавшей отчизны...»*

ВЕДУЩИЙ (1): Талант — всегда чудо. И потому всегда неожидан. Читая Николая Рубцова, невольно думаешь: как мог на такой скудной почве, на заглохшем и невспаханном поле, да еще под затянувшееся ненастье, вырасти и созреть такой удивительный колос, каким предстает сейчас перед нами его поэзия. Или уж талант и в самом деле неумирающее семя, способное прорасти даже и под тяжелым камнем трудной судьбы и, сдвинув его, пробиться на свет...

Николай Рубцов — поэт долгожданный. Блок и Есенин были пос-

**Дом родителей Н. Рубцова,
перевезенный из д. Самылково в с. Биряково**

ледними, кто очаровывал читающий мир поэзией — непридуманной, органичной. Время от времени в огромном хоре советской поэзии звучали голоса яркие, неповторимые. И все же — нужен был Рубцов. Долгожданный и в то же время — неожиданный.

ВЕДУЩИЙ (2): Николай Михайлович Рубцов родился не там, где ему было уготовано природой. А мать-природа готовила это место долго и старательно. Она пестовала лес и поле, шлифовала холмы и горы, пустила между ними речку с чудесным названием Стрелица. Сыпнула из горсти веселых птиц и мелкого зверья. Тропинки извилисто пролегли с горки на горку, от речки к лесу.

По одну сторону речки — Спаская церковь, венчавшая и крестившая русских крестьян, предков поэта.

По другую сторону — срослись на угорье две деревни — Самылково и Денисково. Почти каждый дом был как крепость семейная — велик и красив. Неповторимые северорусские скаты крыш, венцы... Благословенные места Биряковской волости, Тотемского уезда Вологодской губернии. Здесь и было в недавнюю старину, как говорится, полдеревни Рубцовых!

ВЕДУЩИЙ (1): Обычный старинный крестьянский род Рубцовых, соединившись с не менее древним родом Рычковых, дал России и миру гениального поэта. Михаил, отец Николая Рубцова, работал в сельпо продавцом, был грамотным. Брат его Николай нанимался к кому-нибудь в соседних деревнях, а одно время вместе с Александрой, женой Михаила и матерью поэта, работал в своей деревне у Кладовщиковых. Жили Рубцовы в зимовке, средств не хватало. Потом их дом купил А. П. Верещагин, позд-

нее раскулаченный, перевез избу в Биряково. Этот дом сохранился и до наших дней.

Если бы жизнь нашей страны текла ровно, без потрясений, то Коля Рубцов родился бы в Самылкове и бегал бы в гости к Кладовщиковым, купался бы в речке Стрелица, помогал бы отцу на сенокосе... Дразнили бы паренька, как и других «завотчиной» — живет за рекой Вотчей, а иногда еще точнее «стреличиной» кликали бы... А если бы войны не было, то и вырос бы Коля-Николай ростом выше и на гармошке бы еще лучше играл, а скромная девушка спела бы на погулянке частушку в его адрес:

На реке, на берегу
Сидели с ягодиночкой.
Наша связана любовь
Зеленою травиночкой.

ВЕДУЩИЙ (2): Жилось в деревне Рубцовым тяжело, они решили перебраться в город, уехали из родных мест в Вологду. А за 3 месяца до рождения Коли семья переехала в Емецк. В Емецке и родился поэт. Это большое село в Архангельской области стоит у впадения реки Емцы в Северную Двину. Но и здесь семья долго не задерживается, переезжает в леспромхоз — туда перевели отца. И было еще много переездов: то нужды, то обстоятельства. Дольше года редко где задерживалась теперь уже большая семья: родители и шестеро детей — три девочки и три мальчика.

Но вот волею судьбы Рубцовы опять оказались в Вологде.

Нетрудно представить, читая сокольский фольклор, какие колыбельные песни певали маленькому Коле бабушка, мама и тетя Соня. Какие частушки, присловья впитал мальчик, как говорится, с молоком матери...

Люли-люли-люленьки
Прилетали гуленьки,
Прилетали гуленьки,
Садилась к Коле в люленьку...

(Исполняются колыбельные песни.)

ВЕДУЩИЙ (1): Детству поэта не суждено было быть безоблачным. Началась война. На семью обрушились несчастья. Николаю исполнилось 6 лет, когда умерла мать.

Детский дом, в котором жил
Коля Рубцов с 1943 по 1950 г.

ЧТЕЦ:

Мать умерла.
Отец ушел на фронт.
Соседка злая
Не даст проходу.
Я смутно помню
Утро похорон
И за окошком
Скудную природу.

Откуда только —
Как из-под земли! —
Взялись в жильё
И сумерки, и сырость...
Но вот однажды
Все переменялось,
За мной пришли,
Куда-то повезли.

Я смутно помню
Позднюю реку,
Огни на ней,
И скрип, и плеск парама,
И крик: «Скорей»,
Потом раскаты грома
И дождь... Потом
Детдом на берегу.
<...>

Детство

Детский дом, а точнее сельский приют. Приют теснился в обычном для вологодского села бревенчатом доме. Здесь в селе Никольском Тотемского района Вологодской области и суждено было провести Коле Рубцову целых 7 лет — детство и отрочество. Никольское для Рубцова — родная деревня.

ЧТЕЦ:

Хотя проклинает проезжий
Дороги моих побережий,
Люблю я деревню Николу,
Где кончил начальную школу!

Бывает, что пылкий мальчишка
За гостем приедем по следу

В дорогу торопится слишком:
— Я тоже отсюда уеду!

Среди удивленных девчонок
Храбрится, едва из пеленок:
— Ну что по провинции шляться?
В столицу пора отправляться!

Когда ж повзрослеет в столице,
Посмотрит на жизнь за границей,
Тогда он оценит Николу,
Где кончил начальную школу...

Родная деревня

ВЕДУЩИЙ (2): Из воспомина-
ний учителей и школьных товари-
щей Николая Рубцова.

«Каким он был в те годы?»

Был очень ласков и легко раним,
доброжелателен. Бесхитростный и
откровенный. Тихий, задумчивый,
скромный, то дерзкий, колючий, на
перемене резкий и шустрый. Любил
мечтать, любил “тайны”, споры,
драки. Много мечтал. Учился хоро-
шо, был прекрасным математиком».

Николай до страсти увлекался
рыбалкой. Детские впечатления
ожили позже в стихах.

ЧТЕЦ:

Помню, как тропкой,
едва заметной,
В густой осоке, где утки крякали,
Мы с острой ходили летом
Ловить налимов под речными
корягами.
Поймать налима не просто было.
Мало одного желанья.
Мы уставали, и нас знобило
От длительного купанья,
Но мы храбрились:
— Рыбак не плачет!

В воде плескались
До головокружения,
И наконец на песок горячий
Дружно падали в изнеможении!
И долго после мечтали лежа
О чем-то очень большом

и смелом,

Смотрели в небо, и небо тоже
Глазами звезд на нас смотрело...

«Помню, как тропкой...»

ВЕДУЩИЙ (1): Дружно и, напе-
рекору войне, весело жили ребята-
шки в детском доме. У самой спальни
была горка, зимой с нее в большом
котле катались по несколько чело-
век сразу — с шумом, гамом. Или на
больших санках — дровнях. Коля
такие шумные игры не любил, про-
водил время за чтением книг. Зато
летом любил строить шалаши, лес
любил, с птицами пересвистывался.
Слушал, все слушал, как деревья
шумят.

ЧТЕЦ:

Я люблю, когда шумят березы,
когда листья падают с берез.
Слушаю, и набегают слезы
на глаза, отвыкшие от слез.

Все очнется в памяти невольно,
отзовется в сердце и в крови.
Станет как-то радостно и больно,
будто кто-то шепчет о любви.

Только чаще побеждает проза.
Словно дунет ветер хмурых дней.
Ведь шумит такая же береза
над могилой матери моей.

На войне отца убила пуля.
а у нас в деревне у оград —

Перевоз на реке Сухоне близ Тотмы

Гравюра из сборника стихов
Н. Рубцова «Последний пароход»

с ветром и с дождем шумел,
как улей,
вот такой же желтый листопад...

Руть моя, люблю твои березы!
С первых лет я с ними жил и рос.
Потому и набегают слезы
на глаза, отвыкшие от слез...

Березы

ВЕДУЩИЙ (2): После детского дома дом для него был уже только там, где он работал и учился.

Еще в детстве Коля, начитавшись книг о море, путешествиях, буквально бредил морем. С годами зов моря не умрет в его душе, станет еще сильнее, он осуществит свою мечту. Море станет одной из самых ярких страниц его жизни и одновременно серьезным испытанием суровой жизненной школы.

В Риге мореходка не приняла юного романтика, так как не хватало года до 15 лет. Рухнула первая его радужная мечта, но он многому научился в те дни, сделал для себя много открытий, и не только географических, но и чисто житейских. Учился в нескольких техникумах и ни одного не закончил. Работал на нескольких заводах и в Архангельском траловом флоте. Николай Рубцов в то время — молодой, ищущий, несколько беззаботный.

(Исполняется песня на слова Н. Рубцова «Я буду долго гнать велосипед...».)

ВЕДУЩИЙ (1): Из воспоминаний Таисии Александровны Голубевой — Таи Смирновой, «девушки его мечты».

«Рубцов веселый был, такой веселый, ой! Выйдешь, бывало, на крыльцо, а он уже на гармошке играет, и на танцах играл...»

Николай Рубцов рассказывал: «Вечером придем с ребятами, девок еще ни одной нет. Я начинаю на гармошке играть, чтобы Тайка слышала. Потом отдам гармошку приятелю, чтобы тот играл, а сам к Тайкиному дому. Попроюсь как-нибудь задворками и прямо к крыльцу. Туман стоит, вблизи плохо видно. Смотрю — стоит Тайка на крыльце в белом платье и гармошку слушает. Она думает, что я играю, а я вот где! Сердце стучит, на душе хорошо. Выскочишь из тумана и к ней. Она вся испугается, а я смеюсь. Хорошо было!»

(Разыгрываются деревенские посиделки.)

ВЕДУЩИЙ (2): Осенью 1955 года Николая Рубцова призвали на службу. Его определили на флот в заполярном городе Североморске. Служба на боевом корабле продолжалась целых 4 года. Это превосходная школа жизни. В годы флотской юности Рубцов был очень общительным человеком. С отчаянной смелостью вступал в любой разговор о литературе, тем паче — о поэзии. Если сам читал свои стихи или вслух размышлял о чьих-то, его было слушать — не переслушать. Северный флот денно и ночью пекся о своих начинающих поэтах и прозаиках в литературном объединении при газете «На страже Заполярья». Николай Рубцов активно сотрудничал в газете, печатал свои стихи.

Из письма Рубцова Валентину Сафонову [1]:

«Ночами часто предаюсь воспоминаниям. Хочется посмотреть на давно знакомые места, поклониться по голубичным болотам, по земляничным полянам, посидеть ночью в лесу у костра».

(Исполняется песня на стихи Н. Рубцова «Деревенские ночи».)

ВЕДУЩИЙ (1): Приближался день демобилизации. Николай ду-

мал о выборе жизненного пути — единственного из возможных. Он выбрал поэзию. Сначала он поехал в Ленинград. Там он быстро нашел дорогу в литобъединение при Кировском заводе, где и стал работать. Затем приехал в Москву и поступил в Литературный институт, начал публиковать стихи в районных и областных газетах. Платили ему за эти публикации гроши.

Однако Рубцов умел относиться к жизненным трудностям с юмором. Он смотрит на окружающий мир и на свое в нем место с мягкой и грустной улыбкой.

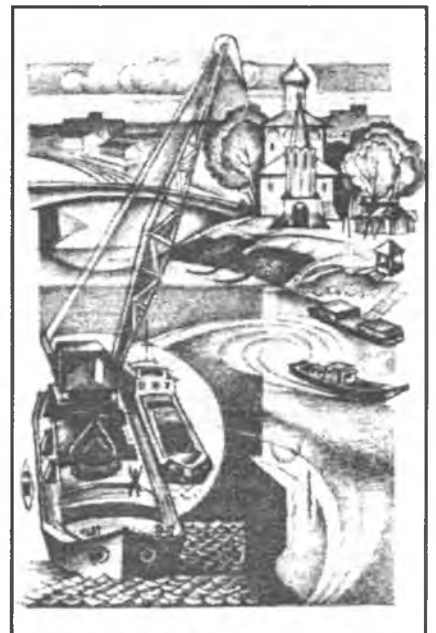
«Элегия» — так назвал он шутивное стихотворение о своих невестелых материальных делах. Первые строки «Элегии» мгновенно вошли в повседневный речевой обиход: «Стукнул по карману — не звенит, стукнул по другому — не слышать».

ЧТЕЦ:

Стукнул по карману — не звенит.
Стукнул по другому — не слышать.
В тихий свой, таинственный зенит
Полетели мысли отдохнуть.

Но очнись и выйду за порог
И пойду на ветер, на откос
О печали пройденных дорог
Шелестеть остатками волос.

Память отбивается от рук,
Молодость уходит из-под ног,
Солнышко описывает круг —
Жизненный отсчитывает срок.

Гравюра из сборника стихов
Н. Рубцова «Последний пароход»

Гравюра из сборника стихов
Н. Рубцова «Последний пароход»

Стукну по карману — не звенит.
Стукну по другому — не слышать.
Если только буду знаменит,
То поезду в Ялту отдохнуть...

Элегия

ВЕДУЩИЙ (2): Летом 1964 года Николай Рубцов чувствовал себя на взлете. Счастливым уезжал он в деревню, где ждали его жена и дочь.

«Я снова в своей Николе, — писал Николай другу Сергею Багрову. — Живу я здесь уже месяц. Погода, на мой взгляд, великолепная, ягод в лесу полно — так что я не унываю».

ЧТЕЦ:

Сапоги мои — скрип да скрип
Под березою,
Сапоги мои — скрип да скрип
Под осиною,
И под каждой березой — гриб,
Подберезовик,
И под каждой осиною — гриб,
Подосиновик!
Знаешь, ведьмы в такой глуши
Плачут жалобно.
И чаруют они, кружа,
Детским пением,
Чтоб такой красотой в тиши
Все дышало бы,
Будто видит твоя душа
Сновидение.
И закружат твои глаза
Тучи плавные
Да брусничных глухих трясин
Лапы, лапушки...
Таковы на Руси леса
Достославные,
Таковы на лесной Руси
Сказки бабушки.
<...>

«Сапоги мои — скрип да скрип...»

ВЕДУЩИЙ (1): В памяти Сергея Багрова [2], навестившего тогда Рубцова, осталась картинка: «Праздничная улыбка, а в карих глазах что-то ласково-мягкое, игравшее радостью и приветом».

В то лето поэт был буквально переполнен стихами. Он был счастлив в то лето.

А осенью он уехал в Москву, чтобы продолжать учебу в Литературном институте, но его исключили, и поздней осенью он возвратился назад.

Наверное, он мог бы остаться в Москве, у него были друзья, знакомые, которые могли помочь ему. Он не остался... Он поехал в свою избу с плоской крышей, поехал в вологодскую деревню.

У Николая Рубцова не было другого пути... Не было...

ВЕДУЩИЙ (2): Именно в такую минуту — оскорбления и унижения — должна была слиться его поэтическая судьба с судьбой народной... И, как результат... обретение права плакать ее слезами, петь ее голосом, звенеть ее эхом...

ЧТЕЦ:

Тихая моя родина!
Ивы, река, соловьи...
Мать моя здесь похоронена
В детские годы мои.

— Где же погост? Вы не видели?
Сам я найти не могу. —
Тихо ответили жители:
— Это на том берегу.

Тихо ответили жители,
Тихо проехал обоз.
Купол церковной обители
Яркой травой зарос.

Там, где я плавал за рыбами,
Сено гребут в сеновал:
Между речными изгибами
Вырыли люди канал.

Тина теперь и болотина
Там, где купаться любил...
Тихая моя родина,
Я ничего не забыл.

Новый забор перед школою,
Тот же зеленый простор.
Словно ворона веселая,
Сяду опять на забор!

Школа моя деревянная!..
Время придет уезжать —
Речка за мною туманная
Будет бежать и бежать.

Гравюра из сборника стихов
Н. Рубцова «Последний пароход»

С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.

Тихая моя родина (В. Белову)

(Исполняется песня на стихи
Н. Рубцова «Журавли».)

ВЕДУЩИЙ (1): Рубцов побаивался благополучных людей. И разве удивительно, что вся ложь навязываемого ему «облика счастья» открылась поэту не в Москве или в Ленинграде, а в вологодской деревушке, где жил он в ту осень и зиму, отрезанный безденежьем и бездорожьем от всех своих литературных доброхотов?.. Счастье — по Рубцову — это не внешнее благополучие, а осознание единственности избранного пути, невозможности другого. И именно тут он ощущает правильность выбранного. Из письма Рубцова Василию Елесину [3]: «Живу неплохо среди зимней, рано темнеющей природы. Хожу в лес рубить дрова. Только шепки летят».

ЧТЕЦ:

Мимо изгороди шаткой,
Мимо разных мест
По дрова спешит лошадка
В Сиперово, в лес.
Дед Мороз идет навстречу.
— Здравствуй!
— Будь здоров!..
Я в стихах увековечу
Заготовку дров.

Пахнет елками и снегом,
Бодро дышит грудь,
И лошадка легким бегом
Продолжает путь.

Привезу я дочке Лене
Из лесных даров
Медвежонка на колене,
Кроме воза дров.

Мимо изгороди шаткой,
Мимо разных мест
Вот и въехала лошадка
В Сиперово, в лес.

Нагружу большие сани
Да махну кнутом
И как раз поспею к бане,
С веником притом!

По дрова

*(Исполняется «Зимняя песня»
на стихи Н. Рубцова.)*

ВЕДУЩИЙ (2): Рубцов был наделен немалым музыкальным талантом. Он пел свои стихи, хотя музыку на них никто не писал. Надо заметить, что обычно он отказывался петь и брал в руки инструмент лишь в окружении самых доверенных его товарищей, в музыкальном вкусе которых он не сомневался. Перебивать его было нельзя.

Нет, Рубцов не играл на гитаре в общепринятом понимании, не аккомпанировал даже — он пел свои стихи с гитарой дуэтом. Струны звенели, ревели, дребезжали, вздрагивали и затихали в унисон движениям и голосу певца: душа и пальцы работали в удивительном согласии.

*(Исполняется песня на стихи
Н. Рубцова «Отцветет да поспеет
на болоте морошка».)*

ВЕДУЩИЙ (1): Анатолий Четин, однокашник Рубцова по литературному институту, вспоминает: «Я много раз видел, как Коля слушает по радио классическую музыку. Деликатно, не отрываясь от собеседника, он погружался в этот мир, куда вводили его нежные и печальные звуки скрипки. Гений композитора витал над ним в то мгновение. Я никогда не видел его таким просветленным и парящим. Он, до того мрачноватый, усталый, сел поудобнее на тахте, как-то подобрался, ушел весь в себя и зажил

Памятник Н. Рубцову в Вологде.
Скульптор А. Шебулин. Открыт в 1998 г.

отдельной от нас жизнью. Отсвет этого проникновенного общения со звуками виден был во всем существе его, живо отражался на тонком его бледном лице. Он не слушал музыку в обычном понимании этого слова. Было такое впечатление, что он со стороны воспринимает звуки, а они в нем, внутри его самого, вселяют нечто красивое и гармонически стройное».

ЧТЕЦ:

В минуты музыки печальной
Я представляю желтый плес,
И голос женщины прощальный,
И шум порывистых берез,
И первый снег под небом серым
Среди погаснувших полей,
И пусть без солнца, пусть без веры
Гонимых снегом журавлей...

Давно душа блуждать устала
В былой любви, в былом хмелю,
Давно понять пора настала,
Что слишком призраки люблю.

Но все равно в жилищах зыбких —
Попробуй их останови! —
Перекликаясь, плачут скрипки
О желтом плесе, о любви.

И все равно под небом низким
Я вижу явственно до слез,
И желтый плес, и голос близкий,
И шум порывистых берез.

Как будто вечен час прощальный,
Как будто время ни при чем...
В минуты музыки печальной
Не говорите ни о чем.

В минуты музыки

*(Звучит полонез М. Огиньского
«Прощание с родиной».)*

ВЕДУЩИЙ (2): Литературу Рубцов, как и жизнь, брал сердцем, душой находил то, что ему нужно в данный момент. Находил каким-то прирожденным, избирательным чувством.

Что волнует поэта, о чем он пишет?

Он сам говорил: «Люблю темы родины и скитаний, жизни и смерти, любви и удали». Мир поэзии Н. Рубцова просторен, холодноват и чуть призрачен. Необычен и подчас неожидан этот мир.

ЧТЕЦ:

Взбегу на холм и упаду в траву.
И древностью повеет вдруг
из дола!
Засвищут стрелы, будто наяву,
Блеснет в глаза кривым ножом
монгола!

Пустынный свет на звездных
берегах
И вереницы птиц твоих, Россия,
Затмит на миг в крови и
в жемчугах
Тупой башмак скуластого Батяя...

Россия, Русь — куда я ни взгляну!
За все твои страдания и битвы
Люблю твою, Россия, старину,
Твои леса, погосты и молитвы,

Люблю твои избышки и цветы,
И небеса, горящие от зноя,
И шепот ив у омутной воды,
Люблю навек, до вечного покоя...

Россия, Русь! Храни себя, храни!
Смотри, опять в леса твои и доли
Со всех сторон нагрянули они,
Иных времен татары и монголы,

Они несут на флагах черный
крест,
Они крестами небо закрестили,
И не леса мне видятся окрест,
А лес крестов в окрестностях
России.

Кресты, кресты...
Я больше не могу!
Я резко отниму от глаз ладони
И вдруг увижу: смирно на лугу
Траву жуют стреноженные кони.

Заржут они — и где-то у осин
Подхватит эхо медленное ржанье,
И надо мной — бессмертных звезд
Руси,
Спокойных звезд безбрежное
мерцанье...

Видения на холме

ВЕДУЩИЙ (1): В атмосфере рубцовской лирики свободно и вольно дышится. Она грустна по

преимуществу, но грусть легка и возвышена. Здесь господствует чувство, что приходит в минуты раздумий о главном и все мелкое, суетное отступает, исчезает, а остаются — один на один — человек и мир.

ЧТЕЦ:

Положил в котомку сыр, печенье,
Положил для роскоши миндаль.
Хлеб не взял. Ведь это же мученье.
Волочиться с ним в такую даль! —
Все же бабка сунула краюху!
Все на свете зная наперед,
Так сказала:
— Слушайся старуху!
Хлеб, родимый, сам себя несет...

Хлеб

(Исполняется песня на стихи Н. Рубцова «Чудный месяц плывет по реке».)

ВЕДУЩИЙ (2): Мы перечитываем сегодня его стихи, вдумываемся в его судьбу, вслушиваемся в его хрипловатый голос (остались записи его собственного исполнения своих стихов) и понимаем, что трудно постигнуть до конца этого человека.

<...>
Ночью промчался какой-то
таинственный всадник,
Неведомый отрок, и скрылся
в тумане полей...
Промчался и скрылся... Но еще
много поколений будет
завороженно глядеть ему вслед.

ВЕДУЩИЙ (1): Вот только бы исполнился главный рубцовский завет: «Россия! Русь! Храни себя, храни!»

Николай Рубцов успел написать немного, чуть больше двухсот стихотворений. Но все его стихи — это огромный мир, манящий, притягивающий, не отпускающий.

Творчество поэта питалось духовными и нравственными устоями народа. Утверждения в сердцах людей любви к Родине, добра, светлого отношения к жизни — таково завещание Н. М. Рубцова. И наш долг — сберечь и упрочить память о поэте, говоря его словами:

<...>
За всю любовь расплатиться
любовью,
За все добро расплатиться добром.
<...>

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] **САФОНОВ Валентин Иванович** (1936—1996), писатель. В конце 1950-х служил вместе с Рубцовым на Северном флоте. Затем работал в редакции флотской газеты «На страже Заполярья». Через несколько лет, как и Рубцов, поступил в Литинститут. В 1967—1969 выпустил две книги повестей и рассказов — «Страда» и «Там, в лесу, партизаны...». Повесть «В военкомат не прибыл» (1975). От имени Валентина Гагарина написал повесть «Мой брат Юрий» (1971) о первом космонавте. Книга переиздавалась более десяти раз, переведена на основные европейские языки, на язык хинди.

[2] **БАГРОВ Сергей Петрович** (р. 1936), родился в г. Тотьма Вологодской области, окончил Тотемский лесотехнический техникум, позднее — Пермский государственный университет. Сменил ряд профессий — землекоп, мастер дороги, станочник, геодезист, журналист, собиратель фольклора. Первая книжка — «Колесом дорога» (1975). В 1981 после выпуска трех книг был принят в члены Союза писателей. Всего выпустил 20 сборников рассказов и повестей.

[3] **ЕЛЕСИН Василий Дмитриевич** (р. 1936), родился на маленькой железнодорожной станции Явенга Вожегодского района, расположенной на границе Архангельской и Вологодской областей. Работал корректором в районной газете и одновременно учился на заочном отделении факультета журналистики Ленинградского университета. С 1959 был сотрудником вожегодской районной газеты «Борьба». Работал в тотемской и вашкинской районных газетах, на областном радио. С 1974 работал журналистом на областном радио и в областной газете «Красный Север». Первый рассказ — «Старый дом» (1975). Первая книга для детей — «Пятачок на берегу» (1977). Повести «Одноухий заяц» (1980), «Кремешок» (1982), «Раменье» (1986), роман «Надежда и метель» (1989), сборник рассказов «Половодье» (1998), журнальные публикации («Варежки», «Югославские сапожки», «Фантазер»). Мемуары (2001). С Н. Рубцовым познакомился в 1963.